

Известия -
1999 - 23 дек -
с. 10

Сид Раскольников

Своевременная классика

Алексей ФИЛИППОВ

Деклан Доннеллан привозил свои спектакли в Москву не один раз. Они всегда проходили с большим успехом: аншлаги, аплодисменты, восторженные рецензии — дело кончилось тем, что английский режиссер стал казаться частью отечественного театрального пейзажа.

Доннеллан влюблен в межвоенные десятилетия, действие его спектаклей разворачивается в 20—30-е годы. Он предпочитает опрокидывать действие классических пьес в эпоху, которая еще находится на слуху, перемещает их во время, лишь недавно ставшее историей, и возвращает к живой жизни зачитанную в школе до дыр, измученную режиссерскими интерпретациями древность.

На этот раз Доннеллан привез в Москву корнелевского «Сиду» — он поставил его во Франции, для авиньонского фестиваля, и если верить французской прессе, успех превзошел все мыслимые ожидания. Для французских «Сид» значит много больше, чем для нас «Борис Годунов»: и ту и другую пьесу проходят в школах, но влияние «Годунова» не выходит за пределы школьной программы, а

каноны классицизма вошли в самую плоть французской культуры и стали частью национального духа. Дело не в пресловутых трех единствах (места, действия и времени): корнелевские ясность, четкость и логичность стали олицетворением всего французского. Но с русским духом эти замечательные качества находятся в глубоком противоречии: корнелевский конфликт между долгом и страстью, честью и любовью, ритуалом и живым чувством нашему, привыкшему жить не по уму, а по зову сердца и плюющему на долг человеку глубоко непонятен. Что же сказал нашему зрителю спектакль Доннеллана?

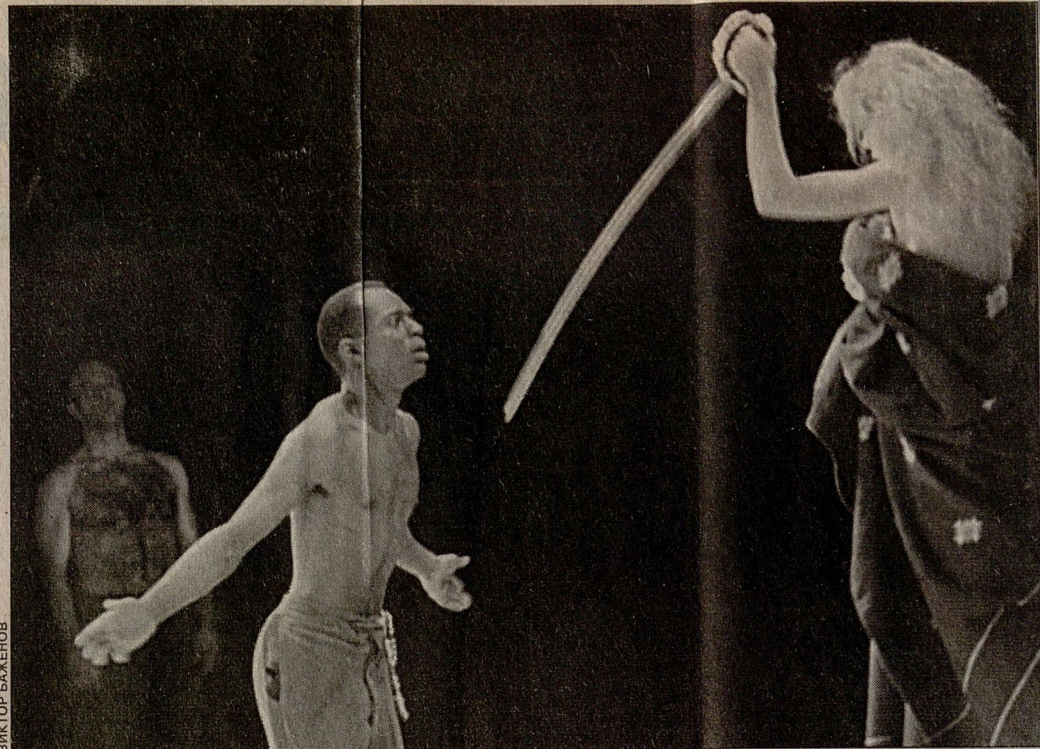
Ну, разумеется, режиссер передел корнелевских героев в костюмы и униформы начала века. Строгие английские костюмы у женщин, военные мундиры на мужчинах: кастильские дворяне затянуты в синие кители французских офицеров первой и второй мировых войн, песочная шинель Сиды (его играет темнокожий актер Уильям Надилам) похожа на форму колониальных войск.

...Стучат костыли сурового седебородого генерала (Мишель Бломан, играющий отца Сиды, дона Родриго, шеголяет в ортопедическом башмаке), щелкают

каблуки офицерских сапог, сверкают длинные кавалерийские палаши: отца любимой девушки Сид закалывает прямо на сцене. Четкости структуры пьесы соответствует ясность режиссерской концепции: Доннеллан поставил спектакль о двух до полусмерти влюбленных друг в друга, но вынужденных следовать общепринятому ритуалу детей — их любви противостоят долг, родители и само государство.

Химена поневоле становится мстительницей, Сид — героем: и он и она не слишком годятся на роли, навязанные им людьми и обстоятельствами.

Героизм в доннеллановском спектакле оказывается производным от конформизма: рыдающий Сид, припертый к стенке отцом, отправляется на поединок с графом; потрясенная Химена, больше всего на свете желающая, чтобы любимый остался жив, с неистовым напором требует его смерти. На битву с маврами хромой ветеран посылает потрясенного собственным поступком сына, ударив его для бодрости в челюсть (герой долго ползает по полу, ощупывая зубы), и даже получивший наконец любимую женщину Сид не становится сво-

ВИКТОР БАЖЕНОВ

Сцена из спектакля. В роли Сиды темнокожий артист Уильям Надилам

боден. Он тянется к Химене, а его тянут в противоположный угол, к склонившемуся над картой королю и его штабу — отец Сиды костылем намечает места будущих ударов и обходов, его воспитанник — принц делает пометки на планшете. Герой Уильяма Надиламы хочет любить, но его, похоже, вновь заставят воевать: Химена тащит его за левую руку, офицеры за правую, и на этом заканчивается история отважного рыцаря дона Родриго, прозванного Сидом.

Юмор и на этот раз не изменил Деклану Доннеллану: расска-

зывая об избиении, которое он устроил маврам, герой Кастилии начинает плакать как ребенок, а белокурая, ангелоподобная, ни в чем не знающая меры Химена (Сара Карабасникофф) явно одуревает от страсти. Только что прикончивший ее отца Сид врывается в дом возлюбленной, когда она переодевается, и застаёт девушку в чулках и трусиках. Свой патетический монолог Химена произносит, завернувшись в одеяло, на фоне никак не желающего найти последнее упокоение отца — мускулистый, накачанный призрак (играющий графа Филипп Блан-

ше скорее всего занимается в атлетическом клубе) в это время маячит у арьерсцены.

Словом, это глубоко неправильная и на свой лад очень русская история, с обилием рефлексии и многочисленными психологическими подтекстами. Убив графа, Уильям Надилам мучается, как прикончивший старушку Раскольников, наш театрал узнает в его переживаниях то, что ему понятно и близко. А невыводимые и, на отечественный взгляд, слегка занудные классицистские добродетели доннеллановскому «Сиду» можно простить.

23.12.99

Доннеллан Деклан